

УДК 343.132

О.В. Гладышева*

**ОБ УПРОЩЕНИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА,
СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Одним из основных векторов современного развития российского уголовного судопроизводства выступает упрощение процессуальной формы. Его реализация происходит в достаточно сложных условиях: при отсутствии теоретической определенности в вопросах о сущности, совокупности критериев определения, объема и пределов упрощения. Однако существует еще один аспект, затрудняющий этот процесс, – непоследовательность реализации упрощения процессуальной формы, при которой в одной процедуре объединяются как общие, так и более простые формы, а отказ от производства каких-либо процессуальных действий рассматривается как упрощение формы.

До настоящего времени тенденция упрощения не коснулась следственных действий, хотя их производство, например, при сокращенной форме дознания усложняет процедуру, придает этой форме дознания комбинированный характер. Обосновывается, что процедура следственных действий подлежит совершенствованию в направлении их упрощения за счет внутренних ресурсов, исключения элементов формы, изживших себя. При упрощении процедуры отдельных форм досудебного производства надлежит в большей степени использовать потенциал иных процессуальных действий, направленных на получение доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, формализация, упрощение, следственные действия, процессуальная форма, иные процессуальные действия, доказательства.

Современное уголовное судопроизводство остается в центре внимания законодателя уже достаточно продолжительное время. За 15 лет, прошедших с момента вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), было принято более 220 федеральных законов, вносящих изменения и дополнения в его содержание. С.А. Шейфер отмечал: «...задача совершенствования уголовно-процессуального законодательства... остается в высокой степени актуальной. Но в каком направлении может протекать в будущем этот процесс?» [1, с. 225].

Оценивая содержательную сторону вносимых изменений и дополнений, можно заключить, что наиболее активно вводятся так называемые упрощенные процессуальные формы. Этот процесс в большей степени затрагивает стадию судебного разбирательства в первой инстанции и в меньшей – досудебное производство. Фактически единственной к настоящему времени упрощенной процедурой стадии предварительного расследования является сокращенная форма дознания. Ее введение в уголовное судопроизводство [2] выявило многочисленные проблемы и несоответствия в уголовно-процессуальном регулировании, что привело к справедливому критическим замечаниям [3].

Например, в ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ предусмотрено, что сокращенное дознание должно быть окончено не позднее чем через 15 суток после его начала, т. е. с момента вынесения постановления о производстве предварительного расследования в форме сокращенного

дознания. В соответствии с ч. 2 этой же статьи прокурор уполномочен продлить этот срок, но не более чем до 20 суток суммарно. Однако в ч. 3 ст. 226.7 УПК РФ говорится о том, что обвинительное постановление должно быть составлено не позднее чем через 10 суток с момента вынесения постановления о начале дознания в сокращенной форме. Разница составляет 10 суток – половину от определенного в законе срока производства, причем предназначение этих 10 суток остается неясным.

Для процедуры сокращенного дознания также характерно отступление от общих правил доказывания. Так, предусмотрен отказ от установления большинства обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. По общему правилу совершенно недопустимо оставлять без выяснения такие обстоятельства, как, например, отягчающие или смягчающие вину, влекущие прекращение уголовного дела. Однако при сокращенной форме дознания устанавливать эти обстоятельства законодатель считает ненужным. Также дознавателю разрешено отказаться от производства ряда следственных и иных процессуальных действий.

Развитие упрощенных, ускоренных процессуальных форм обусловлено потребностями современной правоприменительной практики. Как отмечают В.А. Лазарева и С.А. Шейфер, «неизбежность упрощения досудебных и судебных процедур осознается многими российскими теоретиками, включая и тех, кто эту идею поддерживает не в полной мере» [4, с. 375].

* © Гладышева О.В., 2017

Гладышева Ольга Владимировна (volkolup@yandex.ru), кафедра уголовного процесса, Кубанский государственный университет, 350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Б.Я. Гаврилов считает, что «современное уголовное судопроизводство, в том числе его досудебная часть, содержат в своей основе отдельные положения принятого более 50 лет назад УПК РСФСР, в связи с чем остается чрезвычайно забюрократизированным и сущностно затратным при его недостаточной эффективности» [5, с. 556].

Об этой же проблеме пишет А.А. Тарасов: «...значительная часть... бумаготворчества в правоприменительной деятельности создана искусственно и не обусловлена реальной потребностью в соблюдении уголовно-процессуальной формы» [6, с. 156].

И другие ученые высказываются о необходимости процессуальной экономии [7], с позицией которых сложно не согласиться.

Однако объективным фактором, тормозящим развитие более простых процессуальных форм в уголовном судопроизводстве, выступает опасение за эффективность охраны и защиты прав человека и гражданина. Поэтому, несмотря на господствующую тенденцию по изменению уголовно-процессуального закона и осознаваемую потребность в упрощении, очень многие предложения по изменению УПК РФ прямо или косвенно направлены на наделение участников уголовного судопроизводства новыми процессуальными правами.

Например, законопроектом № 163784-7 предлагается установить следующий порядок рассмотрения судьей обращений в порядке ст. 125 УПК РФ: «Судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора не позднее чем через 14 суток, а действий (бездействия) и решений при производстве дознания в сокращенной форме – не позднее чем через 5 суток со дня поступления жалобы в судебном заседании с участием заявителя и его защитника, законного представителя или представителя, если они участвуют в уголовном деле, иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением, а также с участием прокурора, следователя, руководителя следственного органа» [8].

Оценка этого предложения с точки зрения системности уголовного судопроизводства приводит к необходимости дополнительно предусмотреть:

- обязанность судьи выполнить обширные подготовительные действия, связанные с уведомлением этих лиц и их вызовом в судебное заседание;

- установить статус процессуальной категории «с участием» (право, обязанность) для соответствующих заинтересованных лиц и предусмотреть механизм реализации;

- определить процессуальные полномочия участвующих в судебном заседании лиц (их права, обязанности, порядок реализации);

- более подробно проработать процедуру судебного заседания и др.

Очевидно, что включение в текст УПК РФ даже самого небольшого нового фрагмента влечет долгий путь

синхронизации всего остального содержания этого закона, его уточнение, а значит, и усложнение порядка осуществления процедуры, его формализацию и бюрократизацию.

Стремление к расширению объема уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства можно рассматривать как следствие признания на государственном уровне прав человека высшей ценностью. Включение в число принципов уголовного судопроизводства его назначения с современной трактовкой содержания подтверждает осознание прав как одного из главных социальных достижений, благодаря которому человек сегодня имеет большие возможности. И вряд ли можно оспаривать то обстоятельство, что права человека нуждаются в охране и защите. Поэтому разработка новых условий производства по уголовным делам, направленных на введение либо новых прав участников, либо на совершенствование механизма их обеспечения, представляется объективной, социально важной и востребованной.

Но обеспечение прав человека приобрело и оборотную сторону – замедление процессуальной деятельности и ее формализацию, что вступает в противоречие с назначением уголовного судопроизводства. Гипертрофированное стремление к нормативному урегулированию всех возможных действий должностных лиц уже не приводит к желаемому эффекту – созданию такой модели УПК РФ, при которой неукоснительно соблюдаются права и свободы человека и гражданина, в полной мере достигается назначение уголовного судопроизводства, включая разумность сроков производства, исключение дублирования в процессуальных действиях, их повторов, не обусловленных необходимостью, и др.

Здесь налицо противоречие между стремлением обеспечить как можно полнее права и свободы человека и гражданина и потребностью достигать цели уголовной репрессии без необоснованного затягивания времени, траты ресурсов (физических, экономических, социальных, временных и др.).

Однако это не единственное противоречие. Еще одно противоречие кроется в содержании сделанных шагов законодателя в упрощении уголовного судопроизводства, когда упрощение направлено на отдельные элементы процессуальной формы, но не затрагивает громоздкие и неудобные правила производства, например, следственных действий. Примером могут послужить предписания ч. 2 ст. 225.6 УПК РФ, предусматривающей обязанность дознавателя произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств. Это означает, что дознаватель вправе выбрать для производства лишь те следственные действия, которые отвечают указанному критерию. Однако если дознаватель решил, что ему в соответствии с положениями указанной статьи УПК РФ необходимы определенные процессуальные, включая следственные, действия, то он обязан в полном объеме выполнить все те правила, которые предусмотрены для производства соответствующего следственного

действия. Получается, что при общей нацеленности сокращенного дознания на ускорение производства следственных действий реализуются в общем порядке.

Складывается впечатление, что в уголовном судопроизводстве действует правило «шаг вперед, два — назад», при котором одна сторона процессуальной деятельности упрощается, а другая — остается в неприкосновенности. Создание эффективной упрощенной модели досудебного производства при таких условиях наталкивается на непреодолимые препятствия, связанные с одновременным действием упрощенных, ускоренных и общих процессуальных форм. Полагаем, что назрела необходимость в совершенствовании процедуры следственных действий. При этом важно помнить верную установку С.А. Шейфера, выступавшего против выведения досудебного производства за процессуальные рамки и превращения ее в сбор информации в различных непроцессуальных формах [9, с. 67]. Иными словами, упрощение процедуры следственных действий должно проходить при сохранении их уголовно-процессуальной природы.

По нашему мнению, можно выделить несколько направлений для оптимизации производства следственных действий и упрощения их процедуры.

1. Исключение правила об обязательности протоколирования хода и результатов следственных действий. Протокол до настоящего времени признается основным процессуальным способом закрепления следственных действий и источником полученных доказательств. Протокол должен быть выполнен в соответствии со специальными, достаточно многочисленными правилами, несоблюдение которых влечет признание доказательства недопустимым. Однако развитие научно-технического прогресса позволяет использовать иные, более современные и, главное, удобные средства фиксации хода и результатов следственных действий, упрощающие работу и снижающие процессуальные затраты при их производстве (включая временные), в частности это видеозапись. Профессор В.А. Семенцов по этому поводу пишет: «Сохранение по действующему уголовно-процессуальному законодательству роли видео- и звукозаписи только как приложения к протоколу следственного действия вступает во все большее противоречие с современными условиями и значением технических средств в расследовании преступлений» [10, с. 8].

2. Внедрение в процедуру производства следственных действий видео-конференц-связи, на чем настаивают ученые [11]. Такое техническое устройство способно существенно ускорить производство следственных действий, повысить доступность уголовного судопроизводства, получить иные полезные результаты. В то же время внедрение этой техники должно предусматривать процессуальные правила использования.

3. Расширение сферы применения иных процессуальных действий. О соотношении следственных и иных процессуальных действий В.А. Семенцов пишет следующее: «Следственные действия выгодно отличаются от иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств, поскольку в тексте УПК РФ содержится подробная их процессуальная регламента-

ция. Отсутствие законодательной трактовки термина "следственные действия" вызывает необходимость закрепления этого понятия в ст. 5 УПК РФ. К числу иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств, относятся истребование, представление, запрос, получение объяснения, поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, получение заключения налогового органа. Простота конструкции истребования и представления позволяет эффективно применять их в случаях, когда отсутствует необходимость в проведении следственных действий, в применении мер уголовно-процессуального принуждения, несмотря на отсутствие в законе прямых указаний на форму закрепления в материалах проверки сообщения о преступлении либо уголовного дела истребованных или представленных документов и предметов» [12, с. 45].

В связи с этим выделим два аспекта: объемный перечень иных процессуальных действий и такой признак, как «простота конструкции», которые позволяют задуматься о возможности расширения сферы их применения в досудебном производстве, что может быть реализовано в двух направлениях:

1. Иные процессуальные действия в отдельных случаях рассматриваются как действия, производство которых допускается только в рамках стадии возбуждения уголовного дела. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь, дознаватель вправе получать объяснения, осуществлять изъятия предметов и документов. Исходя из локализации соответствующих предписаний, можно заключить, что получить объяснения в иной стадии уголовного судопроизводства нельзя. В то же время фактические данные, содержащиеся в объяснениях, могут рассматриваться как доказательства (при определенных условиях, установленных УПК РФ). Полагаем, что производство иных процессуальных действий должно стать возможным в любой момент предварительного расследования и не ограничиваться рамками стадии возбуждения уголовного дела. В результате доказательственный потенциал иных процессуальных действий может быть существенно расширен, если их производство не будет ограничиваться стадией возбуждения уголовного дела.

2. Результаты производства иных процессуальных действий, полученные в стадии возбуждения уголовного дела, подлежат оценке как процессуальные доказательства при выполнении условий, установленных УПК РФ.

Еще одним возможным способом упрощения процессуальной формы следственных действий может стать сокращение объема нормативного регулирования в тех вопросах, решение которых может быть передано на усмотрение правоприменителя.

Аргументами выступают следующие обстоятельства: — наличие в основе уголовного судопроизводства развитой системы принципов, включая назначение уголовного судопроизводства, разумный срок и др., в целом ориентирующие правоприменителя на охрану и защиту прав человека и гражданина. При этом сочетание в уголовно-процессуальном законе назначения уголовного судопроизводства и постоянное нормативное уточнение

прав участников уголовного судопроизводства и средств их обеспечения можно рассматривать как дублирование, поскольку содержание назначения уже определяет общий вектор процессуальной деятельности органов предварительного расследования и иных должностных лиц и достаточно однозначно устанавливает их обязанности в отношении участников;

– конституционный контроль, судебный пересмотр, судебный контроль, прокурорский надзор и ведомственный контроль обеспечивают выполнение не только прямых предписаний уголовно-процессуального закона, но и правильность его истолкования и понимания правоприменителем, а при необходимости вмешательство соответствующих структур, в том числе судебных, способно не только защитить, но и предотвратить нарушение прав участников уголовного судопроизводства;

– устоявшаяся совокупность основных прав и свобод участников уголовного судопроизводства, а также система их обеспечения, включая механизмы доступа к контрольно-надзорным средствам.

Таким образом, можно сформулировать следующие основные выводы.

1. Упрощение процессуальной формы досудебного производства не имеет системного характера, поэтому даже та процедура, которая признается «упрощенной», включает элементы, реализуемые по меньшей мере в обычном, а то и в усложненном порядке. Такого рода противоречие имеет своей основой недостаточную теоретическую проработку концепции упрощения, включая его сущность, критерии, пределы.

2. Для упрощения процедуры следственных действий существует неиспользуемый внутренний ресурс, а именно внедрение необходимых технических средств, способных упростить и ускорить их производство.

3. Упрощение доказательственной процессуальной деятельности возможно за счет такого фактора, как расширение сферы применения иных процессуальных действий и придания результатам их производства доказательственного значения.

Библиографический список

1. Шейфер С.А. Куда движется российское судопроизводство (размышления по поводу векторов развития уголовно-процессуального законодательства // Доказательства и доказывание по уголовным делам: монография. М.: Норма, 2008. 240 с.

2. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28. 12. 2013) // Собр. законодательства РФ. 2013 № 9. Ст. 875.

3. Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. / под общ. ред. И. С. Дикарева. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. 113 с.

4. Лазарева В.А., Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовному делу в свете ФЗ № 23 от 04.03.2013 // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6 (17). С. 375–382.

5. Гаврилов Б.Я. Практические меры повышения эффективности досудебного производства // Эффективность права: проблемы теории и практики: материалы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2014. С. 555–570.

6. Тарасов А.А. Процессуальная форма и бюрократический формализм: проблема соотношения в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 2. С. 155–161.

7. Поляков М.П., Смолин А.Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. 152 с.

8. Официальный сайт Государственной думы РФ. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/163784-7>.

9. Шейфер С.А. Собрание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография. М.: Норма, 2015. 112 с.

10. Семенцов В.А. Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя: учеб.-практ. пособие. М.: МЦ при ГУК МВД России, 1997. 76 с.

11. Родивилина В.А. Некоторые вопросы применения видео-конференц-связи в досудебном производстве // Вестник Иркутского гос. технического ун-та. 2015. № 2 (97). С. 278–280

12. Семенцов В.А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 39–45.

References

1. Sheifer S.A. Kuda dvizhetsia rossiiskoe sudoproizvodstvo (razmyshleniia po povodu vektorov razvitiia ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva) [Where the Russian proceedings moves (reflections about the development of criminal procedure legislation)]. In: Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnym delam: monografiia [Evidences and proving in criminal cases: monograph]. M.: Norma, 2008, 240 p. [in Russian].

2. O vnesenii izmenenii v stat'i 62 i 303 Ugolovno kodeksa Rossiiskoi Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 4 marta 2013 g. № 23-FZ (red. ot 28.12.2013) [On amendments being made to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: Federal Law dated March 4, 2013 № 23-FZ (revised 28.12.2013)]. Sobr. zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2013, no. 9, Article 875 [in Russian].

3. Doznanie v sokrashchenoi forme: voprosy zakonodatel'noi reglamentatsii i problemy pravoprimeniia: sb. st.. Pod obshch. red. I.S. Dikareva [Inquiry in an abbreviated form: issues of legislative regulation of documentation and issues of law enforcement: collection of articles. I.S. Dikarev (Ed.)]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2013, 113 p. [in Russian].

4. Lazareva V.A., Sheifer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnomu delu v svete FZ № 23 ot 04.03.2013 [Evidences and proving in a criminal case in the light of the Federal Law № 23 dated 04.03.2013]. Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal [Criminalist's Library. Scientific journal], 2014, no. 6(17), pp. 375–382 [in Russian].

5. Gavrilov B. Ya. Prakticheskie mery povysheniia effektivnosti dosudebnogo proizvodstva [Practical measures for improving

the efficiency of pre-judicial production]. In: *Effektivnost' prava: problemy teorii i praktiki: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Law effectiveness: issues of theory and practice: materials of International research and practical conference]. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2014, pp. 555–570 [in Russian].

6. Tarasov A.A. *Protsessual'naia forma i biurokraticeskii formalizm: problema sootnosheniia v ugovnom sudoproizvodstve* [Procedural form and bureaucratic formalism: the problem of correlation in criminal proceedings]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Criminalist's Library. Scientific journal], 2017, no. 2, pp. 155–161 [in Russian].

7. Polyakov M.P., Smolin A.Yu. *Printsip protsessual'noi ekonomii v ugovnom sudoproizvodstve: monografiia* [Principle of procedural economy in criminal proceedings: monograph]. N. Novgorod: Nizhegorodskaiia akademiia MVD Rossii, 2011, 152 p. [in Russian].

8. *Ofitsial'nyi sait Gosudarstvennoi Dumy RF* [Official website of the State Duma of the Russian Federation]. Retrieved from: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/163784-7> [in Russian].

9. Sheifer S.A. *Sobranie dokazatel'stv po ugovnomu delu: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki: monografiia* [Collection of evidences in a criminal case: problems of law, theory and practice: monograph]. M.: Norma, 2015, 112 p. [in Russian].

10. Sementsov V.A. *Video- i zvukozapis' v dokazatel'svennoi deiatel'nosti sledovatel'ia: ucheb.-prakt. posobie* [Video and audio recording in the evidentiary activities of the investigator: workbook]. M: MTs pri GUK MVD Rossii, 1997, 76 p. [in Russian].

11. Rodivilina V.A. [Some issues of application of videoconferencing in pre-trial proceedings]. *Vestnik Irkutskogo gos. tekhnicheskogo un-ta* [Bulletin of Irkutsk state technical university], 2015, no. 2(97), pp. 278–280 [in Russian].

12. Sementsov V.A. *O sootnoshenii sledstvennykh i inykh protsessual'nykh deistvii, prednaznachennykh dlia sobiraniia dokazatel'stv* [On the relation between investigative and other procedural actions designed for collecting evidences]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2015, no. 2, pp. 39–45 [in Russian].

*O.V. Gladysheva**

ON THE SIMPLIFICATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS, INVESTIGATIVE AND OTHER PROCEDURAL ACTIONS

One of the main vectors of modern development of Russian criminal procedure is the simplification of procedural forms. Its implementation takes place in rather difficult conditions: in the absence of theoretical certainty in matters of fact, the combination of performance criteria, scope and limits of simplification. However, there is another aspect that impedes this process – incoherence of realization of simplification of procedural forms, in which one procedure combine both General and more simple forms, and case from the production of any procedural action is considered as the simplified form.

At present, the trend of simplification has not touched a trace of governmental action, although their production, for example, when an abbreviated form of inquiry, complicates the procedure attached to this form of inquiry combined character. It is proved that the procedure of investigating governmental action is subject to improvement in the direction of simplification at the expense of internal resources, elimination of elements of the form, obsolete. With the simplification of the procedure of certain forms of pre-trial proceedings should make more use of the potential of other procedural actions aimed at obtaining evidences.

Key words: criminal proceedings, formalization, simplification, investigations, procedural forms, and other procedural actions, evidences.

* *Gladysheva Olga Vladimirovna* (volkolup@yandex.ru), Department of the Criminal Process, Kuban State University, 149, Stavropolskaya Street, Krasnodar, 350040, Russian Federation.